

20.03.2017: ТАЙНА СТАРОГО ЧЕМОДАНА

Думал, что я единственный военный в нашей сугубо гражданской семье. Оказалось, не так. О существовании этого небольшого старого чемодана я узнал от жены моего покойного брата. В последние годы жизни он активно занимался нашей родословной, которая хранилась в виде фотографий и писем в этом самом чемодане. Теперь настал мой черед знакомиться с нашей семейной историей. Как оказалось, уходила она в середину 19-го века.

Самыми ценными документами стали для меня две толстые рукописные тетради, написанные моей двоюродной сестрой. Это был подробный рассказ обо всех, с кем я был связан кровными узами. Первой моей реакцией после прочтения записей сестры, как ни парадоксально, была радость, оттого что раньше я ничего подобного не знал. А затем наступило глубокое огорчение, что уже никогда не узнаю подробностей о своих родственниках, не получу ответа на многочисленные вопросы, которые тут же появились.

Отчего возникла моя радость? И не только радость, а чувство глубокой благодарности моей матери за то, что она никогда подробно не рассказывала о своем отце и его родителях. Если бы я знал о них то, что известно мне сейчас, то, скорее всего, никогда бы не стал офицером советской военной разведки и уж точно не был бы военным дипломатом в Польше. В специальные армейские организации людей с такими родственными связями не брали.

Теперь я понимаю, почему мама настоятельно посоветовала мне заучить наизусть мою первую анкетную биографию, которую я подготовил для районного военкомата при поступлении в Военный институт иностранных языков. Сегодня над этим документом можно уже подсмеиваться, но в конце 60-х годов вполне серьезно воспринимались графы с указанием сведений о родственниках, имевших дворянские корни, и служивших в Белой армии. Я с чистой совестью написал тогда, что таковых не имею. А в графе о своем происхождении с гордостью поведал о пролетарских корнях со стороны отца. Что касается матери, то написал, что она служащая, так как она была геологом. Получилась типичная советская биография. Более того, я ею гордился, так как оба моих родителя являлись еще и членами коммунистической партии. Автобиографию на протяжении военной службы пришлось писать многократно, и всегда я делал это так, как было записано в первой моей анкете. Никакой детектор лжи не заподозрил бы меня в утаивании компрометирующих данных, поскольку все, что я писал, являлось чистой правдой для меня самого.

И вот теперь я узнаю, что прадед мой по материнской линии, Ромуальд Ивановский, был не просто поляком, а еще и дворянином. Его отец участвовал в Варшаве в польском восстании против царизма, за что потом угодил в Сибирь. Но следующий царь его помиловал, вернул прямо в Петербург. Ромуальд, родившийся в начале 60-х годов 19-го века, дослужился до гражданского генерала, став действительным статским советником. В тогдашней российской столице польская диаспора была второй по многочисленности после немцев. Она свято соблюдала католические обычаи и верно служила российской власти. Так что мой прадед Ромуальд, был образцовым, как говорили в годы советской власти, царским сатрапом. Жена его была тоже дворянского происхождения по фамилии Когновицкая. Она родила ему пятерых детей, одним из которых и стал мой родной дед – Адам Ромуальдович Ивановский. О нем в тетради моей сестры имеются довольно подробные сведения. Они мне стали особенно интересны, поскольку через них прослеживается революционное время России столетней давности. В начале двадцатого века благополучную семью поляка Ивановского постигло горе. Сперва умерла жена Ромуальда, а затем скончался он сам. Дети остались сиротами. Одну из дочерей, мою двоюродную бабушку Ванду Ромуальдовну, которую я почему-то называл тетей Вандочкой, отдали в Николаевский сиротский институт благородных девиц. Там сейчас располагается университет имени Герцена. Братьев взяли на воспитание родственники, дали им классическое гимназическое образование, после чего они поступили в Петербургский университет. Из воспоминаний сестры я узнал, что Адам перед самой Первой мировой войной познакомился с моей бабушкой Антониной Ивановной Барановой, происходившей тоже не из пролетарской семьи. Она приехала в Петербург из Томска, получив благословление на это от своего отца – управляющего винокуренным заводом. Семья тоже была многодетной. В Петербурге Антонина получила музыкальное образование и стала давать уроки. Когда она познакомилась с Адамом, им обоим было уже под 30 лет. Началась война, и Адам в патриотическом порыве добровольцем отправился на фронт, там отравился газами, а затем попал в плен к австрийцам. В чемодане я нашел несколько фотографий, которые мой дед отправлял из плена своей жене. На них он изображен в чистой, отглаженной форме. Сидит в окружении сослуживцев. Улыбки нет, но тягот и лишений на лице тоже не отмечено.

В феврале и октябре 1917 года случились два события, которые сегодня именуют кто революцией, кто переворотом. В любом случае это было потрясением для всех. В конечном итоге к власти пришли большевики во главе с Лениным, которые, как заявил президент России В.Путин, «взорвали мир». Вряд ли он в эти слова вложил положительный смысл. Ему по душе «вежливые люди», а не взрывы. Как я теперь понимаю, родителям моей

матери революция тоже не доставила радости. Сначала их уплотнили в квартире, подселив еще одну семью, затем у Адама начала прогрессировать болезнь, вызванная нехваткой продуктов. В 1932 году он скончался, а еще через год за ним пришли ночью, чтобы арестовать, как поляка дворянского происхождения. Бабушке так прямо и сказали, что ему повезло, иначе уходил бы он в мир иной с большими мучениями. Я никогда не видел бабушку улыбающейся. Не так давно через Интернет обнаружил упоминание о ней в



*Первая учительница музыки
Антонина Ивановна*

книге известного петербургского дирижера Юрия Богданова. Он брал у нее уроки музыки в детстве. Написал книгу «Дневники по памяти». В ней помещена фотография моей бабушки с подписью «Первая учительница музыки Антонина Ивановна». В главе «Детство» Богданов так пишет о ней: «Моей первой учительницей по музыке была Антонина Ивановна, милейшая женщина, смолянка по воспитанию и образованию». Так именовали не только тех, кто окончил Смольный институт благородных девиц. Это стало нарицательным именем применительно к тем, кто выделялся своими благородными манерами.

Сколько помню Антонину Ивановну, она никогда не улыбалась. Тогда я не задумывался, почему? Просто воспринимал, как данность. Сейчас задумываюсь все больше и начинаю понимать, что ее жизнь после революции 1917 года по существу была сломана. И не только ее. Брат ее мужа, Станислав Ивановский, погиб в гражданскую войну. Родственники так никогда и не узнали, что с ним случилось. Мне самому это стало известно совсем недавно. Помогла опубликованная в Интернете книга «Офицеры Российской гвардии», где представлены имена пяти тысяч человек, погибших в годы гражданской войны и расстрелянных в годы советской власти. Касательно Станислава Ромуальдовича Ивановского в ней говорится, что «был он капитаном лейб-гвардии Кексгольмского полка, убит 19 сентября 1919 года под станицей Искрень у Екатеринослава». Сегодня это Краснодар. Так я узнал о том, что и до меня в нашем роду были офицеры.

*Юрий Лебедев (3-76)
март 2017 года*